МАРИАННА НАСИБУЛЛИНА (Ижевск)

НАЗВАНИЯ МАТЬ-И-МАЧЕХИ В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ*

Abstract. The Names for Coltsfoot (*Tussilago farfara L.*) Used in Udmurt Dialects
In this article the Udmurt dialect names for coltsfoot (*Tussilago farfara L.*) are discussed, their word-formation structure is analyzed, the etymology of their components is given and the basic naming principles are defined. The genuine Udmurt names of coltsfoot have a two-component composition. Only two concepts lie at the heart of the morphology of these words, notably, leaf *кӧар* (*вукӧар*, *йаркӧар*, *бакакӧар*, *эбэккӧар*, *тэтчас'кӧар*, *пӧс'кыкӧар*, *чун'ыкӧар*) and flower *с'ас'ка* (*вудурс'ас'ка*, *эбэкс"ас"ка*, *тэтчас'с'ас'ка*). This is due to the fact that this plant has a rare feature: First the flowers appear, and only when the flowers have disappeared the leaves appear. The first names date from the times of Bulgar influence on the structure of the lexicon of the Udmurt language (*вукӧар*). The terms of the widest area of distribution are *мат'-и-мачэха*, *вукӧар* and *бакакӧар*.

Keywords: Udmurt language, coltsfoot (*Tussilago farfara L.*), naming principle, etymology, loanwords.

В настоящее время одним из актуальных направлений удмуртского языкознания является лингвогеография, ее аналитические данные позволяют судить о формировании современного удмуртского языка, этнической истории и духовной культуре удмуртов.

Лаборатория лингвистического картографирования и исторической лексикологии Удмуртского государственного университета уже 25 лет занимается изучением удмуртских диалектов и языковых контактов с помощью методов лингвогеоргафии. Ее сотрудниками собран богатый лексический материал, который нуждается в системном и всестороннем исследовании. Материалы лаборатории нашли отражение в пяти выпусках «Диалектологического атласа удмуртского языка», который считается одним из ключевых изданий, посвященных ареальному исследованию удмуртских диалектов. Аналитически продуктивными представляются народные названия растений, отличающиеся лексической вариативностью и полисемантичностью. В аспекте

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16.18.02007).

диалектологического описания и лексикологического анализа интересны названия мать-и-мачехи (*Tussilago L.*), представляющей монотипный род цветковых растений семейства Астровые (*Asteraceae*), или Сложноцветные (*Compositae*). Единственным видом этого рода является мать-и-мачеха обыкновенная (*Tussilago farfara L.*).

В ходе исследования применялись методы лингвогеографического описания, структурно-семантического и этимологического анализа. К статье прилагается карта распространения наименований мать-и-мачехи в удмуртских диалектах. В работе мы опираемся на диалектное членение удмуртского языка, разработанное в нашей лаборатории (ДАУЯ I 39—48), а также как и в диалектологическом атласе удмуртского языка, используем удмуртскую фонетическую транскрипцию на основе русской графики (Кельмаков, Насибуллин 1977 : 139—140).

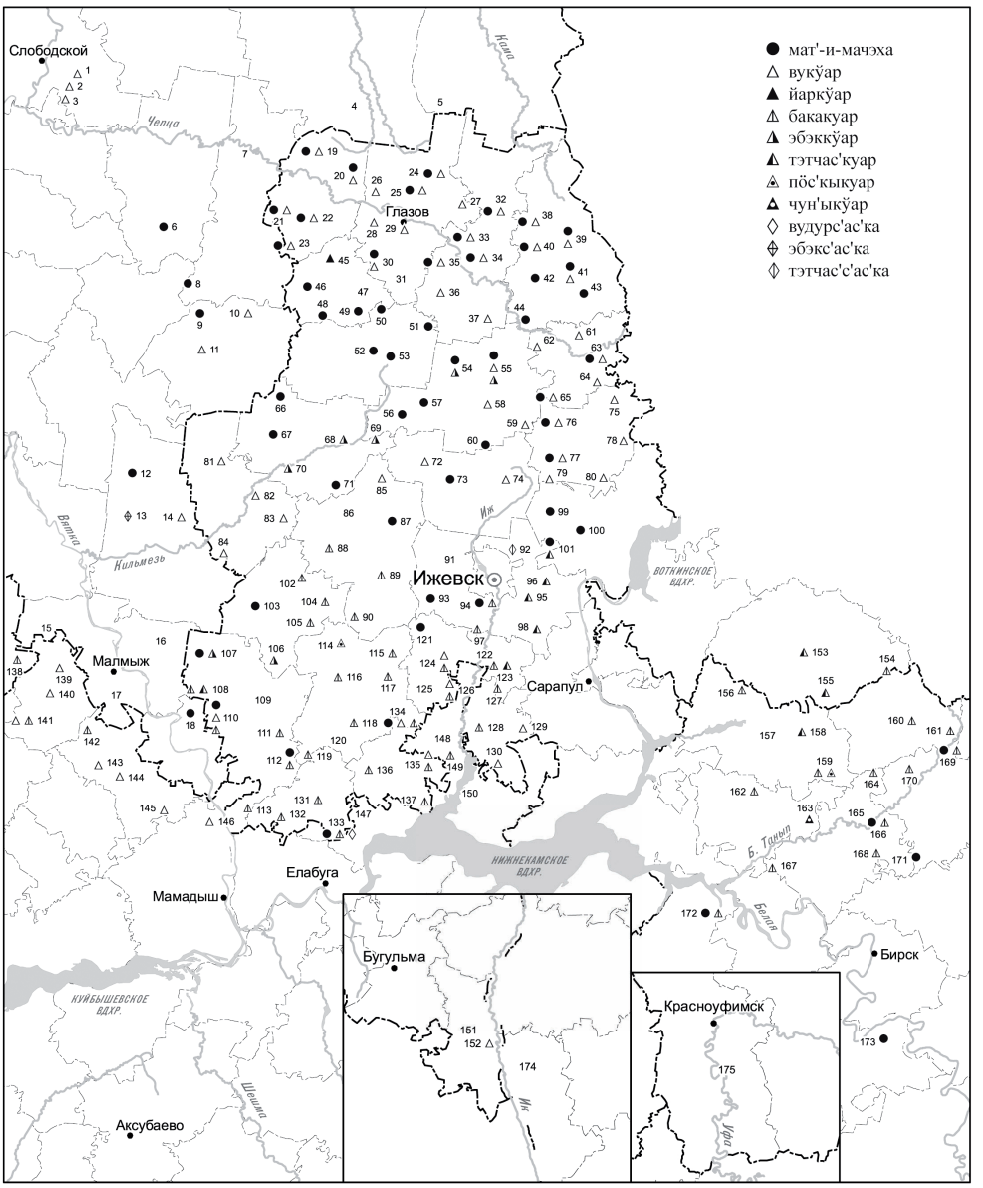
Необходимо отметить, что описываемый фитоним малоизучен. Названиями мать-и-мачехи в удмуртских диалектах занималась только Б. Ш. Загуляева (1990 : 39—52).

В экспедиционных материалах лаборатории выявлены следующие названия мать-и-мачехи: *мат'-и-мачэха*, *вукӧар*, *йаркӧар*, *бакакӧар*, *эбэкӧар*, *тэтчас'кӧар*, *пӧс'кыкӧар*, *чун'ыкӧар*, *вудурс'ас'ка*, *эбэкс''ас''ка*, *тэтчас'-с'ас'ка*.

1. В основе русского заимствования *мат'-и-мачэха* лежит метафорическое сравнение листьев растения с матерью и мачехой. Верхняя сторона листьев имеет гладкую холодную поверхность — «мачеха», нижняя, расположенная к земле, похожа на войлок, она задерживает тепло и влагу — «мать». Л. М. Глизерина и О. Г. Рубцова приводят марийские названия мать-и-мачехи, типологически сходные с русским названием: *папашудо* (букв. *папа* диал. 'бабушка', *шудо* 'трава') и *изватышудо* (букв. *изваты* 'вторая жена, мачеха', *шудо* 'трава') (http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Philologia/4_118060.doc.htm/). В других языках народов Поволжья литературные названия мать-и-мачехи также связаны с русским названием, вероятно, произошло калькирование: тат. *үги ана яфрагы* (*үлән*) букв. 'лист (трава) мачехи' (РТС 316), башк. *үгәй инә үләне* букв. 'трава мачехи' (РБС 362), чув. *ама хупаххи* букв. 'материнский лопух' (РЧС 335).

Удмуртское название *мат'-и-мачэха* распространено в ярском (19, 20, 22, 23 — опорные пункты, см. карту), глазовском (24, 25, 30, 50—52), балезинском (32—34) и юкаменском говорах (48) среднечепецкого диалекта, в кезско-дебёсском (38—44, 63), игринском (54, 55) и тыловайском говорах (65, 76) верхнечепецкого диалекта северного наречия, в лекминском говоре (49) бесермянского наречия, в копкинском (66, 67), селтинском (71), зятцинском (53) и увинском говорах (87) среднезападного диалекта, в чутырском (60), якшур-бодьинском (73) и шарканском говорах (77, 99) средневосточного диалекта, в водзимоньинском (103) и омгинском говорах (18, 107) водзимоньинско-омгинского диалекта, в среднеижских правобережном (94) и левобережном говорах (100, 101, 121) среднеижского диалекта срединных говоров, в кизнерско-можгинском говоре (110, 112) центрально-южного диалекта южного наречия.

Зафиксированы и другие фонетические варианты *мат'-и-мачэха*: в кульминском говоре среднезападного диалекта срединных говоров



мат'-и-ма·ц'эха (12), в ярском (21) и глазовском (30) говорах среднечепецкого диалекта северного наречия *мат'-и-ма·чэка*, в ярском говоре (21) среднечепецкого диалекта северного наречия *мат'-и-мачэка·*, в косинском говоре (6) нижнечепецкого диалекта северного наречия *мат'-и-ма·чика*, в лекминском говоре (46) бесермянского наречия, в зятцинском говоре (56) среднезападного диалекта срединных говоров, в граховском говоре (133) центрально-южного диалекта, в татышлинском (169), ташкичинском (172), буйско-таныпском (166, 171) и канлинском говорах (173) периферийно-южного диалекта южного наречия *мач-и-ма·чэха*, в косинском говоре (8, 9) нижнечепецкого диалекта, ярском говоре (21) среднечепецкого диалекта северного наречия, в среднеижком правобережном говоре (93) среднеижского диалекта средин-

ных говоров *мач-и-ма·чэка*, в зятцинском говоре (57) среднезападного диалекта и в среднеижком правобережном говоре (93) среднеижского диалекта срединных говоров *мач-и-мачэка·*, в балезинском говоре (35) среднечепецкого диалекта северного наречия *мат'-ма·чэха*, в юкаменском говоре (46) среднечепецкого диалекта северного наречия *мат'-мачиха*.

Такое широкое распространение позднего русского заимствования *мат'-и-мачэха* свидетельствует, что собственно удмуртские названия постепенно вытесняются из говоров и замещаются русскими, особенно на севере и в других соседних районах с русским населением.

2. Собственно удмуртские названия мать-и-мачехи имеют двухкомпонентный состав. В основе их морфологии родовым компонентом выступают два понятия — части растения: лист *кӧар* (*вукӧар, йаркӧар, бакакӧар, эбэккӧар, тэтчас'кӧар, пӧс'кыкӧар, чун'ыкӧар*) и цветок *с'ас'ка* (*вудурс'ас'ка, эбэкс''ас''ка, тэтчас'с'ас'ка*). Скорее всего, это связано с его редкой особенностью: сначала появляются цветы, потом они исчезают и появляются листья.

Многие из видовых слов относятся к местообитанию растения. Мать-и-мачеха предпочитает влажные места, берега водоемов, обрывы, нарушенные антропогенным влиянием участки почвы: котлованы, кострища, поля и т. д. Предпочитает она тяжелые глинистые почвы, но встречается и на песчаных и галечных речных отмелях. Отсюда такие удмуртские названия, как *йаркӧар* (*яр* 'обрывистый берег', *куар* 'лист'), *вудурс'ас'ка* 'прибрежный цветок', *вукӧар* 'водный лист'. 'водный лист'. Сюда же можно отнести названия, связанные с обитателями этих мест — жабами и лягушками: *бакакуар* 'жабий (лягушачий) лист', *эбэккӧар* 'жабий (лягушачий) лист', *тэтчас'куар* 'лягушачий лист', *эбэкс'ас'ка* 'жабий (лягушачий) цветок', *тэтчас'с'ас'ка* 'лягушачий цветок'). Есть и иная версия номинации *бакакуар*, *эбэккӧар*, *тэтчас'куар*. Вероятна возможность метафорического сравнения лягушачьей лапки с листом мать-и-мачехи.

3. Удмуртские названия с *кӧар* 'лист' относятся, как правило, к растениям, листья которых образуют прикорневую розетку, цветки небольшие на длинных цветоносах: *бадӟым бакакуар* 'белокопытник лекарственный' (*Petasites officinalis Moench.*), *куакакуар* 'вороний глаз обыкновенный' (*Paris quadrifolia L.*) (СТРУС 31; СБТ 25, 70), *ӟвикуар* 'грушанка зонтичная' (*Pirola umbellata*) (СТРУС 31), *пужъяськон куар* (ПрокБот 144), *пужыяськонкуар* (Мишин 1978 : 140), *пужыкуар*, *пужыяськонкуар*, *вирсэркуар* (СТРУС 29) 'подорожник' (*Plantago L.*), *сизьымкуар* 'седмичник европейский' (Trientalis europaea) (СТРУС 35), *бакапужъятонкуар* 'частуха подорожниковая' (*Alisma plantago-aquatica*) (СТРУС 35); или же они выделяются своими листьями, например, *арыкманкуар* 'лопух большой, или репейник, или репей' (*Arctium lappa L.*) (СТРУС 28); *куар* 'капуста огородная или брассика огородная' (*Brassica oleracea L.*) (РУС 1940 : 90; УРС 1983 : 221; СБТ 85; УРС 2008 : 337; СТРУС 23), *ненегкуар* 'недотрога' (*Impatiens L.*) (СТРУС 25, 35), *сырк куар* (ПрокБот 145); *сыркубат куар* (УРС 1983 : 221); *сыркубаткуар, сыркуар* (СБТ 66) 'будра плющевидная' (*Glechoma hederacea L.*) и другие. Удм. *кӧар* имеет финно-пермское происхождение: коми *кор* 'лист' < общеперм. **kwo̮r-* < фин. *korva* 'ухо', *korvalehti* 'кончик уха' < доперм. **kor-* 'лист' (КЭСК 133).

4. Удмуртские названия с *сяська* 'цветок' первоначально представляли собой названия диких травянистых растений с яркими цветками (ДАУЯ II 142): *дуринчисяська* 'цикорий обыкновенный' (*Cichorium intybus L.*) (КБС 213; Мишин 1978 : 194; СТРУС 30; ПрокБот. 144; СБТ 17, 137); *лобисьсяська*, *лобысяська* 'одуванчик лекарственный' (*Taraxacum officinale Webb.*) (Мишин 1978 : 122; СТРУС 28); *тödьы сяська* 'нивяник обыкновенный, поповник' (*Leucanthemum vulgare Lam.*) (ПрокБот 144; КБС 44); *узысиёнсяська* 'колокольчик' (*Campanula L.*) (КБС 39) и др.

В удмуртском языке лексему *сяська* большинство исследователей относят к булгарским заимствованиям: чув. *çеçке* 'цветок' (Wichm. 1892; 1894 : 230; Munk. 446; Федотов 1996 : 104; РЧС 850). Соответствия имеются в других тюркских, а также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках (Федотов 1996 : 104).

5. Удмуртское название *вукӧар* (*ву* + *кӧар*) 'водный лист' зафиксировано в слободском говоре (1—3) нижнечепецкого диалекта, в ярском (19—23), глазовском (24—26, 28—30, 36) и балезинском говорах (27, 32—35, 37) среднечепецкого диалекта, в кезко-дебёсском (38—41, 61—63), игринском (55, 58) и тыловайском говорах (64, 65, 75, 76) верхнечепецкого диалекта северного наречия, в суровайско-поломском (10, 11), зятцинском (72), гуринском (81), сюмсинском (14, 82—84) и увинском говорах (85) среднезападного диалекта, в чутырском (59), якшур-бодьинском (74) и шарканском говорах (77—80) средневосточного диалекта, в кизнерско-можгинском (110), среднеюжном (124, 126, 134), кырыкмасском (129, 130) и алнашском говорах (135) центрально-южного диалекта, в кукморском говоре (143—146) периферийно-южного диалекта арского типа южного наречия. Зафиксирован и другой фонетический вариант этого слова — *вӧйкӧар* в шашминском (139, 140, 141) и бавлинском говорах (152) периферийно-южного диалекта арского типа южного наречия.

Лексема *ву* 'вода' имеет доуральское происхождение: коми *ва* 'вода; мокрый, сырой' < общеперм. **va* (? **vå*) < мар. *вӧд* (*вüт*) < морд. *ведь* < фин. *vesi* ~ *vete-* < манс. *wit* < венг. *víz* ~ *vize-* < доперм. **wete-* < ненец. *jiid* < нган. *beda-* < энец. *bido* < сельк. *üt* < кам. *büü*; и.-е. **wed-* 'вода' (КЭСК 46).

В марийском языке есть соответствия *вӧйдлопшудо* (*вӧйд* 'вода', *лоп* 'низина, низкая местность', *шудо* 'трава'); *памашшудо* (*памаш* 'родник', *шудо* 'трава') (http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Philologia/4_118060.doc.htm/). В чувашском встречается похожее название мать-и-мачехи *шыв хупаххи* (*шыв* 'вода, река', *хупах* 'лопух') (РЧС 335). В татарском и башкирском языках соответствий нет.

Название *вукӧар* 'водный лист' спорадически встречается во многих говорах на территории УР, РТ и КО. Если сравнить *вукӧар* и чув. *шыв хупаххи* (*шыв* 'вода, река', *хупах* 'лопух') (РЧС 335), получается, что *вукӧар* — чувашское заимствование. Отсутствие этого фитонима восточнее р. Камы можно объяснить заменой татарскими (*бакакуар*, *тэтчас'куар*) и русскими (*мат'-и-мачэха*) заимствованиями, а также другими собственно удмуртскими (*пöс'кыкӧар, чун'ыкӧар*) названиями мать-и-мачехи.

Можно типологически связать удм. *вукуар* и русские народные названия мать-и-мачехи *лапуха студёная*, *водяной лопух*: растения, имею-

щие широкие листья, а два последних указывают и на местообитание — влажные, сырые места у воды или близость грунтовых вод.

В литературе встречается *вукуар* I, *ву куар* II (Верещ.Сл. 1892), *vukwar* (Munk. 689); *ву турын* (РУС 1931 : 28), *вукуар* (Борисов 1932 : 66); *вукуар* (УРС 1948 : 57); *вукуар, вукуар турын* (РУС 1956 : 434); *вукуар* (УРС 1983 : 97); *вукуар* (УРС 2008 : 144).

6. Название *вудурс'ас'ка* (*ву+дур+с'ас'ка*) 'околоводный (прибрежный) цветок' встречается лишь в одном опорном пункте — в деревне Старая Игра Граховского района УР (133), оно относится к граховскому говору центрально-южного диалекта южного наречия.

Лексема *дур* имеет финно-пермское происхождение: послелог *дуре* 'к, по, за', *дурын* 'у' и др.; коми *дор* 'место возле, около чего-л.', основа послелогов *дорланьь* 'к', *дорысь* 'от' и т. д. < общеп. **do̮r-* 'место возле (чего-л.)' < мар. *tor-*, *ter-* (послелог) < доперм. **tə̈rз-* 'место возле (чего-л.)' (КЭСК 95). Соответственно удм. *вудур* обозначает 'место возле воды', а название *вудурс'ас'ка* 'околоводный цветок' полностью отражает область местообитания этого растения.

7. Удмуртское название *йаркӯар* скорее всего калька с тат. *йар йафрақ*, *йар йафрагы*, *йар йафрак* и обозначает то же, что удм. *йар* 'обрывистый берег', *йафрагы*, *йафрақ*, *йафрак* 'лист' (БДСТЯ 234).

Лексема *йар* 'обрывистый берег' является заимствованием тюркского происхождения: в южных диалектах из татарского: *яр* 'берег, обрыв' < общетюрк. *йар* (Ахметьянов 2001 : 264), а в северных из русского: *яр* 'крутой, обрывистый берег, большой глубокий овраг, отвесная скала, берег в расселинах' тоже тюркского происхождения (Фасмер 1973 : 559).

Название *йаркӯар* (*йар* + *кӯар*) (*йар* 'обрывистый берег', *куар* 'лист') встречается в одном опорном пункте — лекминском говоре бесермянского наречия, деревня Шамардан Юкаменского района УР (45).

В литературе зафиксировано *яр куар* (УРС 1983 : 537).

8. Удмуртское название *бакакӯар* встречается в увинском говоре (88, 102) среднезападного диалекта, в омгинском (108) и нылгинском говорах (89, 90, 104, 105) водзимоньинско-омгинского диалекта, в среднеижских правобережном (94, 97) и левобережном говорах (123) среднеижского диалекта срединных говоров, в кизнерско-можгинском (110–112, 116, 118, 119), среднеюжном (115, 117, 124, 126, 134), кырыкмасском (127, 128), граховском (113, 131–133) и алнашском говорах (135, 137, 149) центрально-южного диалекта, в шошминском (138, 141), татышлинском (154, 160, 161, 169) и буйско-таныпском говорах (156, 159, 162, 164, 166, 168, 170) периферийно-южного диалекта южного наречия. Зафиксированы и другие фонетические варианты слова — *ба°қакӯар* в ташкичинском говоре (167, 172) и *бäкäкӯар* в кукморском говоре (142) периферийно-южного диалекта арского типа южного наречия.

Лексема *бака* 'лягушка, жаба' заимствована из татарского языка и имеет общетюркское происхождение. Как и удм. *эбек* является звукоподражанием кваканью. По мнению Э. В. Севортяна, форма *бақа* имеет более позднее происхождение в тюркских языках, первоначально же основа совпадала с глагольной основой *бақ-* 'квакать'. Существительное *бақа* является производным от данного глагола и образовано с помощью аффикса *-а* (Севортян 1974 : 40–42).

В бирском, минзелинском и златоустском татарских диалектах встречается название мать-и-мачехи *бақа йафрағы* 'лягушачий (жабий) лист' (БДСТЯ 96). В марийском и чувашском языках соответствий не обнаружено. Так что *бакакӳар* несомненно представляет собой полукальку с татарского *бақа йафрағы*.

В литературе *бакакуар* встречается дважды (УРС 1983 : 38; УРС 2008 : 56).

9. Название *эбэккӳар* (*эбэк* + *кӳар*) 'жабий (лягушачий) лист' зафиксировано в игринском говоре (54, 55) верхнечепецкого диалекта северного наречия, в селтинском говоре (68, 69, 70) среднезападного диалекта, в омгинском говоре (106, 107) водзимоньинско-омгинского диалекта срединных говоров. Это название тоже калька с тат. *бақа йафрағы* 'лягушачий (жабий) лист'.

Лексема *эбэк* 'лягушка, жаба' имеет исконно удмуртское происхождение и является звукоподражанием кваканью лягушки (ДАУЯ III 152). В основе мордовских названий лягушки также лежит звукоподражание: *ватордомс* 'квакать', ср. мокш. *ватракш* 'лягушка, жаба' (МокшРС 99), эрз. *ватракш* 'лягушка' (ЭРС 113).

В литературе зафиксирована один раз: *эбеккуар* (УРС 2008 : 795).

10. Название *эбэкс''ас''ка* (*эбэк* + *сяська)* 'жабий (лягушачий) цветок' встречается один раз в деревне Салья Кировской области (13) в кульминском говоре среднезападного диалекта срединных говоров. Это тоже калька с тат. *бақа йафрағы* 'лягушачий (жабий) лист', разница лишь в том, что меняется определяемое *куар* 'лист' на *сяська* 'цветок'.

В письменных источниках слово не зафиксировано.

11. Название *тэччас'кӳар* (*тэччас'* + *кӳар*) 'жабий (лягушачий) лист' зафиксировано в омгинском говоре водзимоньинско-омгинского диалекта (108), в среднеижском правобережном говоре (95, 96, 98, 101, 123) среднеижского диалекта срединных говоров, в шагиртско-гондырском говоре (153, 155) и буйско-таныпском говоре (158) периферийно-южного диалекта южного наречия. Это название *тэччас'кӳар* тоже калька с тат. *бақа йафрағы*.

Лексема *тэтчась* 'лягушка, жаба' образована от причастия *тэтчась* 'прыгающий' (глагол *тэтчаны* 'прыгать'). Происхождение лексемы финно-пермское: коми *чеччаны* 'прыгать', *чеччыны* 'встать', *чеччышштны* 'прыгнуть, вскочить' < общеперм. **čɐ̈ťč́-* 'встать, прыгнуть', мар. *чӱчкаш* 'покачиваться, стоя на месте', *чӱчкэм* 'качаюсь из стороны в сторону', фин. *syöstä*, *syöksen* 'стремительно бросаться, врываться, врезаться', саам. *čiekčat* то же < доперм. **čə̈čč́čз-* (КЭСК 304).

В удмуртских письменных источниках зафиксировано в следующих формах: *тэкчась турын* I, II (Верещ.Сл. 1892), *тэтчась турын* (РУС 1931 : 28), *тэтчаськуар* (УРС 2008 : 677).

12. Название *тэччас'с'ас'ка* (*тэччас'*+*с'ас'ка*) 'жабий (лягушачий) цветок' встречается один раз в деревне Ягул Завьяловского района УР в среднеижском левобережном говоре (92) среднеижскго диалекта срединных говоров. Это название калька, как и *эбэкс''ас''ка*, с тат. *бақа йафрағы* 'лягушачий (жабий) лист', причем определяемое *кӳар* 'лист' меняется на *с'ас'ка* 'цветок'. В литературе название не зафиксировано.

13. Название *пӧс'кыкӳар* (*пӧс'кы* + *кӳар)* 'лист от чирея, фурункула' появилось из-за применения листьев мать-и-мачехи в народной меди-

цине удмуртов. Однако помимо мать-и-мачехи название *пöс'кыкӯар* имеют растения копытень европейский (УРС 2008 : 546) и володушка (УРС 2008 : 546). Копытень европейский (*Asarum europaeum L.*) применяется при лечении обширных и гнойных ран, язв, а также чесотки, володушка (*Bupleurum*) при нарывах, фурункулах и гнойных ранах.

Слово *пöс'кы* 'чирей, фурункул' имеет финно-угорское происхождение: удм. *пöсьтыны* 'прорваться, лопнуть', коми *писькöдны* 'просверлить, прорубить, пробить отверстие', *писькöдчан* 'сверло, бурав, пробойник', *письтыны* 'дать течь, начать протекать; прорваться (о нарыве); пробиться', манс. *pāsgi* 'буравить', ? фин. *päästä* 'избавиться, добраться, достичь', общеперм. **pŏśk-*, **pŏśt-* < доперм. **päčз-* (КЭСК 222).

Название *пöс'кыкӯар* встречается всего в двух опорных пунктах: в деревне Пазял Можгинского района УР нылгинского говора (114) водзимоньинско-омгинского диалекта срединных говоров и в деревне Старый Варяш Янаульского района РБ буйско-танып ского говора (159) периферийно-южного диалекта южного наречия. По всей видимости, это собственно удмуртское название, поскольку в финно-угорских и других соседних языках Поволжья для этого слова не существует даже приблизительного соответствия. Вероятно, удмурты, переселившиеся из Можгинского района УР в Янаульский район РБ, сохранили это старинное название мать-и-мачехи в своем диалекте.

В удмуртских письменных источниках название не зафиксировано.

14. Еще один вариант названия этого растения — *чун'ыкӯар* (*чун'ы* + *кӯар*) 'жеребячий лист', т. е. лист мать-и-мачехи напоминает копыто жеребенка. Типологически связанные с ним названия есть и в других языках, например, рус. *белокопытник*, *конское копыто*.

Слово *чун'ы* 'жеребенок' имеет финно-пермское происхождение: коми *чань* 'жеребёнок', общеп. **čа°ń-*, мар. *чома* 'жеребёнок', ? эст. *sõńń* 'бык, жеребец', фин. *sonni* 'бык' (КЭСК 301).

Название *чун'ыкӯар* зафиксировано лишь в одном опорном пункте – в деревне Большекачаково Калтасинского района РБ в буйско-танып ском говоре (163) периферийно-южного диалекта южного наречия. В удмуртских письменных источниках не зафиксировано.

Вероятно, это собственно удмуртское слово. Соответствий нет ни в финно-угорских, ни в тюркских языках Поволжья.

Рассмотрев принципы номинации мать-и-мачехи, выделим несколько мотивирующих признаков:

1) фактура листьев (гладкий сверху и мягкий снизу) + легенды о матери и мачехе: русское заимствование *мат'-и-мачэха*;

2) место произрастания (у воды, на обрывах у рек, низинах и т. д.): *вукӯар*, *вудурс'ас'ка*, *йаркӯар*, *бакакӯар*, *эбэккӯар*, *тэтчас'кӯар*, *эбэкс''ас''ка*, *тэтчас'с'ас'ка*;

3) форма листьев (метафорическое представление, сравнение листа с копытом жеребенка или с лапкой лягушки): *чун'ыкӯар*, *бакакӯар*, *эбэккӯар*, *тэтчас'кӯар*;

4) название болезни, излечиваемой с помощью этого растения (чиреи, фурункулы): *пöс'кыкӯар*.

В удмуртских названиях мать-и-мачехи встречаются лексемы, связанные с экологической нишей растения-гигрофита: *ву* 'вода', *вудур* 'околоводный', *йар* 'обрывистый берег', которые имеют соответствия

в марийском языке *вӥдлопшудо* (*вӥд* 'вода', *лоп* 'низина, низкая местность', *шудо* 'трава'); *памашшудо* (*памаш* 'родник', *шудо* 'трава'); в чувашском: *шыв хупаххи* (*шыв* 'вода, река', *хупах* 'лопух'), в татарском и башкирском языках соответствие отсутствует. Встречается зоонимический компонент (*бака*, *эбэк*, *тэтчас'* 'жаба, лягушка'), ярко выраженный у соседних тюркоязычных народов, а также *чун'ый* ''жеребенок', имеющий типологические аналоги в индо-европейских языках. Самобытно название *пӧс'кыкӯар,* не имеющее аналогов в других языках Поволжья.

Собственно удмуртские названия мать-и-мачехи – двусложные образования. Продуктивна словообразовательная модель «существительное в основной форме + существительное» (например, *вукӯар* букв. 'вода + лист', *тэтчас'с'ас'ка* букв. 'лягушка (жаба) + цветок').

Анализ наименований мать-и-мачехи в удмуртских диалектах показывает, что почти все они возникли в период самостоятельного развития удмуртского языка на базе исконной лексики (*вукӯар, чун'ыкӯар, пӧс'кыкӯар*), часть сформировались путем сложения удмуртской и заимствованной основ (*йаркӯар*, *бакакӯар*, *вудурс'ас'ка, эбэкс''ас''ка*, *тэтчас'с'ас'ка*), полного заимствования (*мат'-и-мачэха*) или калькирования (*эбэккӯар, тэтчас'кӯар*).

Наибольшее распространение получили названия *мат'-и-мачэха, вукӯар* и *бакакӯар*. Русское заимствование *мат'-и-мачэха* и его фонетические варианты особенно распространены в северном наречии и срединных говорах, спорадически встречается в южном наречии. Собственно удмуртское название *вукӯар* наиболее часто встречается в северном наречии и спорадически в срединных говорах и южном наречии в говорах арского типа, но за Камой не встречается. Полукалька с тат. *бакакӯар* спорадически отмечена в срединных говорах и почти повсеместно в южном наречии, кроме говоров периферийно-южных диалектов, где встречается спорадически.

Названия мать-и-мачехи, представленные в различных диалектных вариантах, являются сегментом словаря удмуртского языка. Рассмотрение фитонима в ареальном, структурно-семантическом и этимологическом контексте позволяет говорить об интенсивных процессах взаимодействия родственных и неродственных языков и культур Поволжья.

Address

Marianna Rifovna Nasibullina
Udmurt State University, Izhevsk
E-mail: mari_kori@mail.ru

Сокращения

БДСТЯ — Н. Б. Борганова, Л. Т. Махмудова, З. Р. Садыкова, Г. К. Якупова, Большой диалектологический словарь татарского языка, Казань 2009; **ВерещСл. 1892** — Г. Е. Верещагин, Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. Вотско-русский словарь, Ижевск 2006; **ДАУЯ I —** Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Выпуск I, Ижевск 2009; **ДАУЯ II —** Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты

и комментарии. Выпуск II, Ижевск 2010; **ДАУЯ III** — Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Выпуск III, Ижевск 2013; **КБС** — Краткий удмуртско-русский и русско-удмуртский биологический словарь, Ижевск 1978; **МокшРС** — Мокшанско-русский словарь, Москва 1998; **ПрокБот** — М. П. Прокопьев, К удмуртскому ботаническому словарю, Ижевск 1937; **РБС** — Русско-башкирский словарь, Москва 1964; **РТС** — Русско-татарский словарь, Казань 1971; **РУС 1931** — Русско-удмуртский словарь, Москва 1931; **РУС 1940** — Русско-удмуртский словарь, Москва 1940; **РУС 1956** — Русско-удмуртский словарь, Москва 1956; **РЧС** — Русско-чувашский словарь, Москва 1971; **СБТ** — С. В. Соколов, В. В. Туганаев, Словарь биологических терминов, Ижевск 1994; **СТРУС** — Р. Ш. Насибуллин, В. Г. Семенов, Системно-тематический русско-удмуртский словарь. Удысъёсъя радъям ӟуч-удмурт кылсузьет, Ижевск 2006; **УРС 1948** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1948; **УРС 1983** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **УРС 2008** — Удмуртско-русский словарь, Ижевск 2008; **ЭРС** — Эрзянско-русский словарь, Москва 1993; **Munk.** — B. Munkácsi, A votják nyelv szótára, Budapest 1896, Pécs 1990; **Wichm.** — Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichman. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki 1987 (LSFU XXI).

КО — Кировская область, **РТ** — Республика Татарстан, **УР** — Удмуртская Республика.

башк. — башкирский, **доперм.** — допермский, **и.-е.** — индоевропейский; **общеперм.** — общепермский, **общетюрк.** — общетюркский, **рус.** — русский язык, **тат** — татарского, **чув.** — чувашский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р. Г. 2001, Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка, Казань.

Борисов Т. К. 1932, Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь, Ижевск.

Глизерина Л. М., Рубцова О. Г. Семантико-этимологическая характеристика народных названий лекарственных растений в разносистемных языках. http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Philologia/4_118060.doc.htm/.

Загуляева Б. Ш. 1990, Названия растений в удмуртских диалектах. — Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Сборник статей, Ижевск, 39—52.

Кельмаков В. К., Насибуллин Р. Ш. 1977, Удмуртская фонетическая транскрипция на основе русской графики. — Вопросы удмуртской диалектологии. Сборник статей, Ижевск, 139—140.

Мишин А. В. 1978, Зелёная аптека, Ижевск.

Севортян Е. В. 1974, Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные, Москва.

Фасмер М. 1973, Этимологический словарь русского языка IV, Москва.

Федотов М. Р. 1996, Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2, Чебоксары.